

Гигаури Давид Ираклиевич

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье исследуются теоретические подходы к изучению практик социального конструирования политической идентичности с использованием символических ресурсов коллективной памяти. Политика памяти рассматривается как практика социального конструирования политического сообщества в рамках процесса символической политики властных элит. Анализируются возможности изучения темпоральных структур символической политики и политической памяти для социального конструирования политической идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. I. С. 59-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: h1st@gramota.net

POST-MORTEM EXAMINATION AS INVESTIGATIVE ACTION ON CRIMINAL CASES ON TERRORIST CRIMES

Gataullin Zyufyar Shakirovich, Ph. D. in Law, Associate Professor
University of Management "TISBI" (Branch) in Naberezhnye Chelny
zufar.gataullin@mail.ru

The article considers the procedural and criminalistic peculiarities of examining the terrorist act scene. The author identifies the tasks, which the investigator should solve on arrival to the terrorist act scene. The paper describes the tactics for efficient post-mortem examination, emphasizes the necessity to observe the requirements of the criminal-procedural legislation on post-mortem examination. The researcher makes proposals aimed to improve the examination procedure.

Key words and phrases: explosive; explosive device; terrorist act; investigator; investigative action; post-mortem examination.

УДК 303.022+321.01+323.2

Политология

В статье исследуются теоретические подходы к изучению практик социального конструирования политической идентичности с использованием символических ресурсов коллективной памяти. Политика памяти рассматривается как практика социального конструирования политического сообщества в рамках процесса символической политики властных элит. Анализируются возможности изучения темпоральных структур символической политики и политической памяти для социального конструирования политической идентичности.

Ключевые слова и фразы: политика памяти; коллективная память; историческая политика; политическая идентичность; символическая политика; социальное конструирование; темпоральные структуры; образы прошлого.

Гигаури Давид Ираклиевич

Санкт-Петербургский государственный университет
david.aspirant@gmail.com

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[©]

Символизация политической деятельности трансформирует политическую реальность в коммуникативный процесс и придает ей институциональную определенность посредством системы символических условий – политических кодов. Как отмечают исследователи смысловых измерений социальных коммуникаций, изучение динамики оформления коммуникаций в горизонте времени неизбежно ориентирует нас на исследование культуры как специфического способа существования социальной памяти [15; 32].

Представляется перспективным изучение темпоральных измерений символической политики (проектирование будущего через интерпретацию прошлого и переписывание прошлого с позиций настоящего) с помощью методологического инструментария описания временных структур социальной памяти, предопределяющих динамику и направленность способов символической оформленности социальной реальности. Исследование же политической культуры при этом предстает как изучение процесса «понимания» (обобщения политических ожиданий) как необходимого условия конституирования политических идентичностей, которые всегда выявляются в проекции времени (соотнесенности с «прошлым» и «будущим») и составляют содержание политической памяти [10; 11].

Цель данного исследования – рассмотреть концепты «память», «коллективная память», «политика памяти» и «историческая политика» и проанализировать возможность их применения для изучения проводимой элитами символической политики как практики социального конструирования политической идентичности.

В число ключевых опор идентичности политического сообщества входят общие представления о прошлом, коллективная память данного сообщества. Конструирование идентичности включает в себя политику памяти, т.е. производство социальных представлений о прошлом этого сообщества. Этой работой занимаются разные социальные агенты: профессиональные историки, журналисты, литераторы, кинематографисты и политики. Политики не могут обходиться без апелляции к прошлому. Прошлое – важный ресурс для легитимации власти и конкретных действий политиков. Политики часто делают отсылки к событиям прошлого или, скорее, к мифам, созданным в пространстве памяти, чтобы оправдать свои решения и взгляды на различные вопросы и проблемы, имеющие отношение как к внутренней, так и к внешней политике.

Политические акторы стремятся получить политическое преимущество, определяя в качестве доминирующих конкретные групповые смыслы и понимание прошлого с целью легитимации своих действий в настоящем для того, чтобы извлечь выгоду в будущем. Хотя эти интерпретации прошлого, как правило, основаны на сложностях внутренних расколов относительно понимания исторических проблем общества или на национальных и субнациональных интерпретациях истории, они часто выходят за пределы внутренней политики во внешнюю, где сталкиваются различающиеся и, казалось бы, непримиримые друг с другом коллективные

интерпретации событий прошлого. Таким образом, политики активируют память в качестве оружия как против внутренних оппонентов (интерпретации политической реальности), так и в международных делах.

Работа элит с памятью находит свое отражение в процессе, который носит название «политика памяти» и является частью символической политики. Понятие «политика памяти» возникло в конце XX века в постмодернистских теориях языка и власти (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, М. Фуко). Постмодернисты выдвинули тезис о конструировании властью нужных представлений о прошлом и социально-групповой идентичности [30].

В общем смысле политика памяти представляет собой набор политических стратегий по интерпретации прошлого, включающий ряд символических и культурных практик, посредством которых вспоминаются, записываются и отбрасываются события из истории данного сообщества с целью конструирования его политической идентичности в настоящем.

Изучение памяти стало очень популярным в последние годы, поскольку социально и политически значимые события и инциденты сделали актуальным данную тематику для ученых как в качестве заинтересованных граждан, принимающих участие в этих кризисах, так и в роли интеллектуалов, отвечающих на постмодернистскую критику репрезентации власти.

Оригинальный методологический инструментарий исследования социальной памяти был предложен Джеффри Оликом. В отличие от традиционных подходов к изучению феноменов коллективной памяти, Олик предлагает процессореляционный методологический способ изучения коллективного прошлого и проводимой элитами политики памяти, основанный на анализе четырех ключевых аспектов процесса работы с коллективной памятью: поле, средство, жанр передачи и профиль.

Олик исходит из того, что память не является операциональным понятием: «нет согласия по поводу того, чем она является (если предположить, что она вообще существует) или как ее измерять. Вопрос в том, каково оно как содержательное понятие, к чему вырабатывает исследовательскую чувствительность и какого рода» [26, с. 41]. В раздел коллективной памяти входит множество пространств, практик и социальных форм: от индивидуальных воспоминаний до общих форм поддержания образа. Память – не статичный объект, но процесс, который постоянно изменяется, поэтому исследователь должен обращать внимание на формы, которые Олик называет «фигурации памяти», т.е. «меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы» [Там же, с. 46].

В исследовании временных параметров политической идентичности концепт «памяти» является ключевым, проанализируем его подробно.

Интерес к проблемам памяти основывается на работе Мориса Хальбвакса, французского социолога и идейного последователя Эмиля Дюркгейма, автора концепта «коллективная память». В противоположность взглядам Анри Бергсона и Зигмунда Фрейда, Хальбвакс утверждает, что коллективная память социально конструируется и что идея индивидуальной памяти, изолированной от памяти социальной, является абстракцией, практически лишенной смысла [34].

Французский исследователь П. Нора сравнивает память с живым организмом, который находится в процессе постоянной эволюции, носителем его выступают социальные группы: «Память открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованию и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [23, с. 20]. И в том же ключе связи памяти с идентичностью групп высказывается известный французский философ П. Рикёр: «Память – временная составляющая идентичности, наряду с оценкой настоящего и планированием будущего» [29, с. 119].

По мнению Хальбвакса, каждая группа людей создает свою память о собственном прошлом – память, которая подчеркивает специфические черты этой группы и ее отличия от других. Воспроизводимые в общественном сознании образы прошлого дают группе возможность представить свою историю, свое происхождение и развитие. В результате коллективная память формирует символические культурные практики, которые не обязательно опираются на непосредственный опыт группы, однако именно они обеспечивают «матрицу» для индивидуальных идентичностей [34].

Коллективная память укоренена в мифах, ритуалах, традициях, языках, искусстве, популярной культуре и материальном мире, она находит свое выражение в коммеморативных практиках, символических формах переживания совместного опыта о прошлом [26, с. 43]. Коллективная память предоставляет людям чувство принадлежности к сообществу. История помогает объяснить социальный мир и политическую реальность. Общий взгляд на историю может мотивировать людей на действия по изменению совместного будущего. История субъективна и открыта для различных интерпретаций. Многие политики используют узкопартийные взгляды на историю, чтобы достичь своих собственных целей. От истории нельзя уйти, и сегодняшняя политика связана с событиями, произошедшими в прошлом.

Каждому государству и каждому поколению приходится иметь дело с собственным прошлым, но работа с прошлым не должна осуществляться путем продвижения мифов или использования политически мотивированных интерпретаций истории для нападения на оппонентов, хотя зачастую это происходит именно так. Коллективная память и история достаются в наследство от предшественников, которые оставили их будущим поколениям, и они должны быть использованы правильно и честно. Однако интерпретации общего прошлого различаются от одного сообщества к другому и даже среди групп внутри одного сообщества. История и память становятся пространством политической борьбы за смыслы и значения.

Государство как основной субъект, целенаправленно формирующий коллективную память, выстраивает определенную линию интерпретации исторических событий, которые ложатся в систему осмысления

гражданами своей принадлежности к нации, посредством чего и конструируется политическая идентичность. Но подобная линия интерпретации может вызывать критику как за пределами данного сообщества, так и внутри него. Помимо государства, в работе с памятью участвуют и другие социальные группы, например, семьи, религиозные культы, гражданские организации и движения, политические партии. Они также разрабатывают стратегии по закреплению определенного образа прошлого посредством создания мест памяти и ритуалов коммеморации, однако их доступ к финансовым, информационным и прочим ресурсам, в сравнении с государством, существенно ограничен.

В работе с памятью источником конструирования коллективной памяти выступает традиция. По мнению исследователя политики памяти В. А. Ачкасова, традиция не случайно присутствует в данном конкретном обществе, она всегда целенаправленно выбирается. Опираясь на концепцию Э. Хобсбаума [36], В. А. Ачкасов подчеркивает, что традиции не просто избираются, но и изобретаются. Под традицией подразумевается процесс переосмысления и конструирования прошлого, так называемое «воображаемое прошлое», которое выступает важным источником легитимации власти [4, с. 126]. Традиции – это концепции прошлого, изобретенные в настоящем и периодически видоизменяемые для того, чтобы быть поставленными на службу актуальным политическим целям.

Значимость и восприятие исторических событий изменяется во времени для конкретных социальных групп, поскольку «традиции образуются не сами по себе – их конструируют, разрушают или видоизменяют люди» [35, р. 14-15]. Историческая правда лежит где-то посередине между свободными от ценностей фактами и ценностными суждениями. Объективные факты существуют, но их отбор и интерпретация субъективны. Переживая совместный опыт в единых политических мифах и ритуалах, воплощенных, например, в государственных праздниках, опирающихся на традицию, сообщество создает свою «историческую память», т.е. определенную форму социальной памяти, которую группа конструирует, выстраивая свои представления о прошлом [19, с. 100].

Связь прошлого, настоящего и будущего выстраивается символически при помощи идеологических конструкций, что заставляет обывателей в определенном ключе воспринимать ход течения политического времени. На понимание времени как «специфического “измерения смысла” событий политической коммуникации, где символическое является замещением “множества” этих событий, являясь их “архивированной” презентацией», указывает К. Ф. Завершинский [11, с. 86]. По его мнению, такая исследовательская установка необходима для продуктивного социологического и политологического описания временного измерения символической политики.

Подобная установка на изучение темпоральных структур символической политики и соответствует, на наш взгляд, процессу-реляционной методологической программе, предложенной Оликом, которая позволяет изучать память как процесс, где время играет значимую роль в конструировании социальных событий, коим придается актуализирующий их смысл. Как утверждает К. Ф. Завершинский, решающую роль в упорядочивании и создании социальных событий (смысловых и символических комплексов) играет конструирование темпорального режима политических коммуникаций, в котором символическим ядром выступает память социальной системы как динамическая система символических проекций политических событий: «Темпоральная составляющая символической политики проявляется в семантических практиках создания, поддержания или разрушения подобных проекций и, следовательно, динамики социальных идентичностей и дискурсов их политического доминирования» [Там же].

«Время» в рамках теоретической конструкции подобного рода выступает конституирующей структурой, задающей «горизонт смысла» для всех, кто вовлечен в коммуникацию и символические практики конструирования социальных идентичностей. Время как параметр, задающий смысл коммуникациям, актуальный на текущий момент и в нынешних политических обстоятельствах, и является тем динамическим показателем изменения идентичностей, выстроенных в соответствии с образами прошлого.

Временные параметры символической политики влияют на динамическое становление коллективной памяти, ее переоформление и видоизменение восприятия. При этом мотивом переосмысления прошлого и включения эпизодов мрачного прошлого в исторический нарратив, формирующий политическую идентичность сообщества, могут выступать политические интересы влиятельных социальных групп и сиоинутная политическая конъюнктура [17, с. 135]. Политические интересы отдельных групп приводят к конкурентной борьбе за символическое господство, в ходе которой те пытаются использовать конкретные исторические события, эпизоды из прошлого для достижения собственных целей [4, с. 128]. Поэтому память зачастую и рассматривается как символическое поле борьбы политических акторов, в котором каждый претендует на интерпретацию коллективного прошлого по определенному образцу в качестве доминирующего.

Посредством целенаправленного создания определенного динамического образа памяти (подверженного изменениям в зависимости от конкретной ситуации, конъюнктуры и интересов) политические элиты достигают своих целей по обоснованию своего господства, укрепляют свою легитимность и сглаживают конфликты в обществе [28, с. 60]. Немецкий египтолог Я. Ассман утверждает, что память является подобием социального тренинга, который элиты должны осуществлять, влияя на установление иерархии значений и существующий культурный канон. Элиты необходимо связаны с памятью, конструируют ее, что позволяет им действовать, исходя из социально возможного и допустимого [3, с. 52-54].

Политика памяти становится актуальной, когда современная социальная и политическая ситуация нуждается в изменении не восприятия прошлого, а его отдельных составляющих, когда необходимы новые подходы по обращению к прошлому и его интерпретации. Таким образом, определенный тип памяти начинает актуализироваться и передаваться элитами с помощью государственных информационных и финансовых ресурсов в том случае, когда вызываемые этой памятью эмоциональные и рациональные ценности оказываются созвучны приоритетам современной политики [2, с. 17].

А. Миллер утверждает, что политика памяти подразумевает осуществление различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти [21, с. 7].

Политика памяти находит свое воплощение в коммеморативных практиках, которые задают линию интерпретации совместного прошлого. К этим практикам можно отнести создание мест памяти, культурных городских ландшафтов, установку и снос памятников, организацию культурных мероприятий и фестивалей, новых музеев, создание школьных учебников и кинофильмов на историческую тематику и т.д. Все эти действия направлены на символическое переоформление реальности, закрепление в сознании граждан определенного образа прошлого и конструирование новых смыслов и значений, что, собственно, и представляет собой символическая политика. Все большее значение в современном обществе приобретают визуализация и репрезентация власти, где коллективная память и представления о прошлом выступают одним из важных ресурсов политической идентичности [16, с. 10]. Это связано с развитием средств массовой информации и Интернета, которые выступают важными посредниками в формировании коллективной памяти и идентичности и способствуют освещению тех или иных событий в нужном элитам свете.

Правительства, исходя из конкретной политической ситуации, пытаются объединить граждан под эгидой значимых в истории сообщества событий, создавая тем самым политическую лояльность и одновременно с этим отводя наиболее невыгодные для них эпизоды истории в тень. Поэтому важной составляющей политики памяти является политика «забывания». Подобная политическая амнезия выражается в том, что определенные события вытесняются из коллективной памяти с целью избежать социальных конфликтов и напряжения в обществе [21, с. 8]. Наиболее ярким примером вытеснения и забывания является практика изменения топонимов, названий исторических объектов, улиц и т.д. Заменяя старые названия, более не соответствующие политическому режиму, на новые, власть тем самым ищет новые источники легитимности, зачастую черпая их в историческом прошлом.

Поскольку исторические периоды общества материализованы в конкретных объектах культурного наследия, забвение осуществляется посредством изменения социокультурного пространства: «Статус культурного наследия как инструмента символической легитимации власти за многие десятилетия позволяет рассматривать объекты культурного наследия, в том числе, как атрибуты власти, а сферу культуры – как пространство укрепления легитимности политических режимов» [27, с. 131]. Посредством выстраивания культурного пространства и городских режимов власть не просто репрезентирует себя, конструируя политическую реальность, созвучную ее целям и задачам, но и легитимирует себя, создавая идентичность сообщества, опирающуюся на транслируемые ею нормы и ценности.

Историческая реальность, как и политическая идентичность, социально конструируется государством и обществом, а политическая культура общества поддерживает символическую модель, выстраиваемую элитами. И. И. Глебова в связи с этим пишет: «Образы прошлого – это “искусственный конструкт”, результат коммуникативного проектирования; он полностью относится к пространству культуры» [7, с. 18]. Подобные образы застребованы настоящим с целью построения сегодняшнего и будущего общества. В своем коммуникативном качестве образ прошлого связан с феноменом массовой коммуникации [33, с. 10], т.е. с символической политикой.

Общее прошлое возможно только при целенаправленной политике по его конструированию, изменению культурного и исторического контекста и интерпретаций исторических событий [18, с. 127]. Как уже отмечалось выше, решающая роль в таком конструировании принадлежит политическим элитам. Причем та интерпретация политической реальности и коллективного прошлого, которая транслируется элитами, проецирует нормы и идентичности того политического сообщества, которое ее воспроизводит [22, с. 309].

С целью построения единого сообщества, т.е. создания политической идентичности, в исторический нарратив включаются наиболее значимые события, которые носят характер политических мифов, консолидирующих общество и воспроизводимых в политических ритуалах, коллективных действиях, которые повышают уровень политического участия граждан, создают политическую лояльность и поддержку, обеспечивая легитимацию власти.

В России таким объединяющим событием является Великая Отечественная война. По мнению Н. Копосова, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [14, с. 163]. Об этом свидетельствует интерес элит к данному событию: «...очевидно, что Великая Отечественная война – это единственное событие российской истории, которое активно используется в президентских посланиях в качестве позитивного символа, постоянно подвергаемого реинтерпретации», – отмечает О. Ю. Малинова [20, с. 114]. Этот значимый символ и официальный государственный праздник является политическим мифом, который активно используется элитами для консолидации сообщества и в политической борьбе [13, с. 21–22].

День Победы испытывает на себе особое внимание со стороны государства с середины 2000-х гг. (старт общественной акции «Георгиевская ленточка» [6], учреждение почетного звания «Город воинской славы» [24], возвращение тяжелой военной техники на парады на Красной площади [31], проведение Общероссийских парадов Победы [25]), отразившееся на увеличении количества россиян, которые интересуются этим праздником (так, например, парад на Красной площади в 2015 году по телевизору посмотрели 78% опрошенных, а в 2010 году таких было 70%) [9]. День Победы – одно из ключевых символических событий для проводимой российскими элитами политики памяти, в официальном праздновании которого используется широкий спектр государственных символов и национальной символики (российский флаг, гимн, песни военных лет, красная звезда и т.д.), что позволяет ему эффективно выстраивать политическую идентичность сообщества. Это находит отклик и в гражданских инициативах, о чем свидетельствует возникшая в 2012 году общественная акция «Бессмертный полк» [5], впоследствии охватившая практически все регионы и получившая, по мнению экспертов ВЦИОМ, поддержку всей страны [1]. Данный пример свидетельствует о том, что политика памяти государства может

встречать поддержку со стороны граждан, если линия интерпретации прошлого этого субъекта производства коллективной памяти совпадает с ожиданиями и настроениями населения.

Актуальность при изучении темпоральных структур символической политики обретает не только дискурс-анализ политики памяти, но и исследование всей ее инфраструктуры, включая политические институции, научные и образовательные учреждения, медиасферу, музеи и политизированную топонимику [8, с. 98]. По мнению исследователей, новый импульс подобного рода исследованиям придали политические и идеологические трансформации постсоветского пространства, стимулировавшие изучение символических практик и процесса институционализации современных форм социальной памяти: «политики памяти», «политики идентичности», «политизации истории» и «исторической политики» [12; 14; 21].

Итак, нам удалось установить, что политика памяти делает акцент на использовании глубинных временных и исторических ресурсов, апеллирует к свойствам человеческой психики, прежде всего, к памяти как механизму, воспроизводящему и конструирующему социальную реальность в сознании индивида. Целью политики памяти является построение единой общности, т.е. создание политической идентичности путем апелляции к чувствам народа, в какой-то степени также посредством навязывания отождествления себя с доминантными символами политической культуры, через которые приходит осознание себя частью единого сообщества.

Структуры памяти вписаны в политический процесс и постоянно воспроизводятся в таких символических действиях, как государственные праздники, установка и демонтаж памятников, исторических объектов, дни и места памяти и прочее. Все эти действия направлены на формирование и поддержание коллективной идентичности. Без осознания себя в длительной исторической перспективе единым организмом общество не может организоваться и сплотиться в настоящем времени, а уж тем более – существовать в будущем, отсюда постоянное воспроизведение объединяющих нацию событий, воплощенное в политике памяти. Таким образом, символическая политика осуществляется через проводимые элитами политику идентичности и политику памяти с использованием таких символических средств, как политические мифы и политические ритуалы.

Список литературы

1. **Акцию «Бессмертный полк» поддержала вся страна** [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115266> (дата обращения: 02.07.2015).
2. **Аникин Д. А.** Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 1. С. 15-21.
3. **Ассман Я.** Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. **Ачкасов В. А.** Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. Ю. Малинова. С. 126-148.
5. **Бессмертный полк** [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-lesnoy.ru/bessmertnyj-polok/> (дата обращения: 02.07.2015).
6. **Георгиевская ленточка** [Электронный ресурс]. URL: <http://gl9may.ru/about/history/> (дата обращения: 01.07.2015).
7. **Глебова И. И.** Политическая культура России: образы прошлого и современность / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М.: Наука, 2006. 332 с.
8. **Горин Д. Г.** Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 98-104.
9. **День Победы и акция «Бессмертный полк»** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/29-05-2015/den-pobedy-i-aktsiya-bessmertnyj-polok> (дата обращения: 02.07.2015).
10. **Завершинский К. Ф.** Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука: исследования политической культуры: современное состояние: сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН; ред. и сост. О. Ю. Малинова, И. И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2006. № 3. С. 38-43.
11. **Завершинский К. Ф.** Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего / гл. ред. О. Ю. Малинова. С. 80-92.
12. **Завершинский К. Ф.** Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О. Ю. Малинова. С. 149-163.
13. **Зерубавель Я.** Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. / под ред. И. В. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2011. С. 10-30.
14. **Копосов Н.** Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
15. **Луман Н.** Мировое время и история систем. Об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем / пер. с нем. В. Бакусева // ЛОГОС. 2004. № 5 (44). С. 131-168.
16. **Макаров А. И.** Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. № 12. С. 8-11.
17. **Маколи М.** Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. № 1-2 (51). С. 134-139.
18. **Малахов В.** Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Б. Олкотт, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 115-137.
19. **Малинова О. Ю.** Консолидация политических сообществ и проблема «неудобного прошлого»: опыт стран Европы и Азии (реферативный обзор) // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М.: ИНИОН РАН, 2010. Вып. 1. Альтернативные модели формирования наций. С. 98-108.
20. **Малинова О. Ю.** Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. № 3-4 (52). С. 106-122.
21. **Миллер А. И.** Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). С. 6-23.
22. **Морозов В.** Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу ярославской речи // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 307-320.

23. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция – память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
24. О почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 09.05.2006 г. № 68-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=60090> (дата обращения: 01.07.2015).
25. Общероссийский парад Победы впервые состоится 9 мая 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.9maya.ru/2009/12/22/obshherossijskij-parad-pobedy-vpervyu-sostoitsya.html> (дата обращения: 01.07.2015).
26. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
27. Рагимешина Т. В. Влияние политики культурного наследия на политическую культуру современного российского общества // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 128-135.
28. Рагимешина Т. В. Культурное наследие в российской политике государственной памяти // Власть. 2012. № 10. С. 60-64.
29. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
30. Савельева И. М., Полетаев А. В. Античность: формирование значений // Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2-х т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. С. 16-34.
31. Танки вернутся на Красную площадь 9 мая 2008 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru/news/2008/01/15/tanks/> (дата обращения: 01.07.2015).
32. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
33. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Глубинные основания конструирования образа современной России // Проблемы управления в социальных системах. 2010. Т. 2. № 3. С. 6-21.
34. Halbwachs M. The Collective Memory. N. Y.: University of Chicago Press, 1980. 182 p.
35. Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 334 p.
36. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

POLICY OF MEMORY IN THE PRACTICE OF SOCIAL CONSTRUCTION OF POLITICAL IDENTITY

Gigauri David Iraklievich

Saint Petersburg State University

david.aspirant@gmail.com

The article examines theoretical approaches to investigating the practices of the social construction of political identity using the symbolic resources of collective memory. The policy of memory is considered as a practice of the social construction of political community within the framework of the process of the symbolic policy of authoritative elites. The author analyzes the possibilities to study the temporal structures of symbolic policy and political memory for the social construction of political identity.

Key words and phrases: policy of memory; collective memory; historical policy; political identity; symbolic policy; social construction; temporal structures; images of the past.

УДК 141.44

Философские науки

В статье рассматривается проблема возможности влияния платонизма на древнерусскую философию и, соответственно, на становление русской философской традиции в целом. Проводится сравнительный анализ фундаментальных мировоззренческих основ двух типов философии: платонической и христианской. Автор приходит к выводу, что из-за глубоких расхождений на религиозном уровне не было духовных оснований для проникновения платонизма в древнерусскую философию. Русская средневековая аскетическая философия является прямой преемницей византийской патристики, поэтому она унаследовала и сложившееся в Византии отношение к философии Платона и платонической философской традиции в целом.

Ключевые слова и фразы: платонизм; русская средневековая философия; аскетическая философия; патристика; интуиция тела; теоцентрический синтез.

Глазков Александр Петрович, к. филос. н., доцент

Волжский государственный университет водного транспорта (филиал) в г. Астрахани

alpglazkov@yandex.ru

ПЛАТОНИЗМ И АСКЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ[©]

Философия средневековой Руси органично входит в философскую традицию христианской патристики, поэтому исследование принципиального отношения патристики к философии Платона позволяет решить вопрос о возможности влияния платонизма на русскую средневековую философию в целом.

Сущность платонизма очень хорошо выразил известный русский философ А. Ф. Лосев. Вот, что он пишет: «Что такое платонизм? <...> платонизм есть систематически разработанная интуиция *тела*. Он не знает идеального мира в его чистой идеальности. Он знает лишь тождество “идеального” и “реального”, в результате какого формализуется идея и холодеет “реальное”, вещь. Но это значит, что платонизм есть абсолютный